

00.

— Ты любишь музыку?

Эльвира вздрогнула всем телом и вскинула опустившуюся на грудь голову, пытаясь разглядеть хоть что-то за границей тьмы. Ничего. Только тьма и голос.

Голос... Он был искажен, его тембр плавал, то поднимаясь до детского фальцета, то сваливаясь в глубокий бас, при этом вибрируя и распадаясь на дребезг. Он был изменен каким-то электронным устройством.

«Скремблер» — услужливо подсказала память. И это было странно. Эльвира знать не знала ни про какие скремблеры. Наверное, когда-то случайно услышала и название засело где-то в глубине разума, а сейчас вот неожиданно всплыло на поверхность.

В голове, пробираясь сквозь ватный шум, медленно, будто нехотя, проползла еще одна мысль. Скремблер искажает голос на этапе прохождения сигнала от микрофона к динамику или записывающему устройству.

Эльвира мотнула головой, отгоняя эту бессмысленную мысль. Что тут странного?

От движения внутри головы что-то щелкнуло, она почувствовала резкую боль и застонала. От этой боли мысль стала почему-то более понятной. Если есть скремблер, должен быть динамик. А голос из тьмы казался непонятным образом живым. Он перемещался

где-то там, за границей света, и его сопровождал приглушенный звук шагов. Шагов хищника — мягких, терпеливых, уверенных, неспешных. Словно шаги тигра за решеткой клетки. Только сейчас в клетке была она, Эльвира, а тигр был снаружи. И никуда не торопился, точно зная, что жертва от него никуда не сбежит. Ей просто деваться некуда. Она сейчас как козленок на веревке, которых оставлял на привязи знаменитый охотник Корбетт, убивший сто тигров-людоедов в Индии в конце XIX века. Это был его основной прием...

Эльвира снова затрясла головой, уже не боясь боли. С ней происходило что-то странное. Какой еще охотник Корбетт? Какие еще тигры? Какая еще, к черту, Индия XIX века? Откуда все это в ее мозгу? Она сроду не читала ничего подобного. Ей это было неинтересно. Вот брат ее в детстве увлекался приключенческой литературой, причем именно старинной — Киплинг, Джек Лондон, Корбетт... Корбетт! Братишка читал этого чертова Корбетта! Но...

Но это было двадцать лет назад! С тех пор она никогда не слышала этого имени. Откуда оно, черт побери, влезло в ее голову?!

— Что вы со мной сделали? — простонала Эльвира.

Тот, во тьме, усмехнулся и ответил:

— Почти ничего. Все, что с тобой происходит, сделала ты сама. Все это внутри тебя. Внутри твоей головы. Жаль только, что она оказалась слишком пустой.

Это обидело Эльвиру. Она считала себя умной девушкой. Она хотела встать, но ничего не вышло. Ее руки оказались примотаны к подлокотникам кресла широкими мягкими лентами. Они не ранили руки. Но это, наоборот, только напугало девушку. Беречь руки пленника — а она в плену, это, несомненно, нужно только в двух случаях. Если пленник слишком ценен и ему

нельзя навредить. Это можно было отбросить сразу — Эльвира себя ценила, но была девушкой здравомыслящей и понимала разницу между «ценить» и «переоценивать». И второй вариант — на руках пленника не должно остаться следов, поддающихся идентификации при судебно-медицинской экспертизе трупа. Чтобы следы не выдали, что тело перед этим было привязано.

Эльвира мгновенно вспотела, по спине скользнула холодная струйка и шелковая блузка тут же прилипла к телу. Она попыталась собраться с мыслями. Но она не помнила, не помнила, НЕ ПОМНИЛА, как она сюда попала и что происходит. Кто этот человек? Что ему нужно? Сексуальный маньяк? Но он не истязал ее физически. Голова существовала словно отдельно от тела, но руки-ноги она чувствовала. А вот боли — нет, не ощущала. А после истязаний что-то должно было болеть. ТАМ тоже все было в порядке. Во всяком случае, пока.

Если это и маньяк, то какой-то странный. Память Эльвиры отказывалась проникать хотя бы на четверть часа назад, ее будто вырезали. Но оставался фантом памяти. Этот человек-зверь ее о чем-то спрашивал. Спрашивал долго, терпеливо. Но... но она не помнила о чем. Это пугало до тошноты. Что он с ней сделал?

Ее немного мутило, словно она выпила лишнего. В ушах слегка шумело, и в глазах чуть рябило. Что-то шуршало под ногами. Эльвира посмотрела вниз. Лучше бы она этого не делала. Цементный пол был застелен полиэтиленовой пленкой. От нее не остается следов. От этого открытия стало трудно дышать.

— Ты так и не сказала, любишь ли ты музыку, — в электронном голосе проскочили нотки разочарования. Впрочем, неискренного.

Д. Груньюшкин, Д. Шутко

— Я... не знаю, — прошептала Эльвира.

— Музыка... — человек во тьме мечтательно вздохнул. Или это был не человек, а зверь? — Вся наша жизнь — музыка. Когда ты натягиваешь струну на гриф, она сначала молчит. Потом начинает издавать звук. Начинает гудеть, потом звенеть. Так рождается музыка.

Зверь во тьме не стоял на месте, он перемещался, оставаясь невидимым.

— Кто-то другой нажимает пальцами на лады, и звук меняется. Он становится таким, каким его хочет услышать тот, кто нажимает на лады и дергает за струны. Он играет музыку. Он натягивает струну все туже и туже. И вдруг...

Эльвира подскочила, когда раздался грохот. Это человек-зверь во тьме что-то бросил на пол.

— Струна рвется, не выдержав натяжения. Это и есть смерть. Это окончание музыки. Понимаешь? Когда струна вырабатывает свой ресурс, она рвется. И становится не нужна. Понимаешь?

Эльвира проглотила слезы и кивнула. Она поняла.

Голос теперь звучал сзади. Человек-зверь подошел со спины. Теперь он оказался в круге света, но Эльвира все равно не могла его увидеть.

— Очень жаль, что ты ничего не знаешь. Очень жаль, что ты оказалась бесполезной в своей жизни. Но, может быть, ты окажешься полезной после нее.

Эльвира всхлипнула. Позади раздался тонкий звон струны. Еще через миг струна легла на ее шею. Эльвира закричала. Но ее крик никто не услышал, потому что воздух больше не проходил через ее горло. А еще через три минуты она умерла.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

СЛЕДОВАТЕЛЬ ПО ОСОБО ВАЖНЫМ ДЕЛАМ

01.

Виктор Макаров работал мощно, ритмично, как пневматический молот, вгоняя себя в распластанную на простынях блондинку. Его богатый сексуальный опыт давно подсказал нужную линию поведения и секрет женского внимания. В этом деле важна не страсть, не нежность, не акробатические этюды и даже не таинственная «точка Джи». А простой ритм. Выдерживай взятый ритм, и заведется даже мертвая англичанка.

Блондинка энергичными звуками с энтузиазмом подтверждала его правоту. Соседка-пенсионерка завтра наверняка снова будет смотреть на него, как раввин на поросенка. Но так же традиционно ничего не скажет. Она предпочитала презирать молча. Потому что сдавала квартиру в соседнем доме десятку гастарбайтеров, и Виктор это знал. И она знала, что он знал. И знала, где он работает. Поэтому благоразумно помалкивала.

Впрочем, ее выразительное молчание ничего в раскладе не меняло. Не трогал гастарбайтеров Виктор отнюдь не из любви к соседке. Просто он выгодно обменял эту информацию. Он донес ее до ушей и сердца местного участкового. Тот прижал гастеров в углу и за слегка прикрытые глаза получал с них сведения о том,

что происходит в диаспоре на его участке. И докладывал об этом уже самому Виктору. То есть «околоточный» получал инфу «с земли», а то, что находилось выше его компетенции, сливал следователю по особо важным делам Следственного комитета, коим Виктор Макаров и являлся в свободное от секса время.

И таких источников информации, часто не очень официальных, а иногда и не очень законных, у Виктора имелось много.

Непосредственный его начальник, Василий Романович Васильев, или Вася-Вася, как его звали за глаза подчиненные, а иногда и вышестоящие, такого метода работы не одобрял. Он много раз отчитывал Виктора за агентурную самодеятельность. Мол, сотрудники Следственного комитета должны быть чище и непорочней священников. Ибо стоят они на страже закона, а получение информации сомнительными методами не только ведет к развалу дела в суде, потому что такие доказательства суд не примет. Но и развращает юные и неокрепшие души следователей, внушая им порочные мысли об их исключительности и надзаконности. И вообще, агентурная работа и «бегание ногами по земле» — это удел полицейских оперов, но никак не «важняка» из СК. «Важняк» должен работать головой. А хочешь приключений на свою задницу — так я тебе, мол, быстро направление в райотдел выпишу.

Угрозы эти выглядели наивно. Особенно учитывая, что Макарова уже пытались сманить на вышестоящую службу, чему Вася-Вася резко и громко воспротивился. Говорят, прямо в кабинете шефа топал ногами и орал во все горло, что такими кадрами не разбрасываются, и если «они» хотят, то пусть своих выращивают.

А Макарова ждет торная дорога через кресло самого Васи-Васи, с остановкой в кресле шефа, прямо в кресло начальника Комитета, а то и повыше. Сомнительная, конечно, характеристика, если смотреть из кресла шефа, в которое Вася-Вася прочил Виктора. Но в результате его так и не отдали, оставив в Управлении.

Стоило ли удивляться, что и эту информацию с подробностями Виктор получил, применяя тот самый агентурный и не очень законный метод? Так что ссылки в райотдел Виктор не боялся.

На прикроватной тумбочке завибрировал смартфон. Блондинка пребывала в том состоянии, когда не услышишь даже воя сирены воздушной тревоги. Виктор, не прекращая возвратно-поступательных движений, провел над экраном смарта ладонью, активировав вызов на громкую связь.

— Макаров, ты? — раздался голос Васи-Васи.

— Я, Василий Романович, — подтвердил Виктор.

— Ты где? Что происходит? — насторожился начальник. Видимо, расслышал в динамике тяжелое дыхание и поскрипывание кровати.

— Спортом занимаюсь, Василий Романович, делаю отжимания. На вторую сотню пошел, между прочим.

— А-а! — успокоился Вася-Вася. — Ты там не шибко усердствуй. Я чего звоню — напомнить, что через час это... занятия по рукопашному бою с последующим зачетом. Не дай бог опоздаешь или, тьфу-тьфу, прогуляешь — прощайся с премией. Понял меня?

— Я понял тебя, не бей меня, — процитировал Виктор слова Иешуа Га-Ноцри из «Мастера и Маргариты».

— Чего? — не понял Вася-Вася. — Ты чего несешь?

— Все хорошо, Василий Романович. Я буду и не опоздаю.

— Ну, то-то. И силы береги.

Блондинка издала приглушенный стон. Это был сигнал, что через пару секунд она взорвется.

— Что там у тебя? — снова насторожился шеф.

Но Виктор быстро махнул ладонью над смартфоном в обратную сторону, разрывая связь.

И вовремя. Через мгновение блондинка заорала, словно Медея, убившая собственных детей. Соседке будет о чем поразмышлять на досуге и чем поделиться с подругами по двору. Виктор закрыл глаза, вбил в тело блондинки последнюю сваю и позволил себе кончить, издав легкий рык. Блондинка обвила его ногами, обхватила шею и вжалась изо всех сил. Ее тело, особенно чресла, мелко дрожало, время от времени содрогаясь в судорогах.

Наконец, судороги стали реже, потом прекратились вовсе, ноги и руки блондинки разжались, и она обессиленно отвалилась на смятую простыню. На лице ее разливалось выражение, как у кошки, которая километр бежала за мышью, но потом все же поймала ее и сожрала.

Макаров встал, встряхнул плечами. Забыл совсем про сегодняшний зачет. Надо было бы действительно силы поберечь.

— Сволочь ты, Макаров, — сыто простонала блондинка. — Разговаривать по телефону во время секса — это подло.

Виктор ухмыльнулся.

— Но как же ты трахаешься, скотина! — Блондинка мечтательно закрыла глаза.

— До завтра останешься? — поинтересовался Виктор, натягивая джинсы.

— Да.

— Тогда закажи что-нибудь поесть, в холодильнике пусто. Вернусь часа через четыре. Если повезет.

Блондинка уютно свернулась в постели Макарова, явно намереваясь поспать. Виктор подошел к двери, открыл ее и обернулся на пороге.

— Кстати, как говоришь, тебя зовут?

Виктор молниеносно закрыл дверь. Услышал, как с той стороны по ней стукнуло что-то тяжелое. Кажется, туфлей запустила. Виктор ухмыльнулся и стал спускаться по лестнице. Лифта он не признавал. Всем он говорил, что так поддерживает себя в тонусе. Не признаваться же, что перспективный следователь-важняк Следственного комитета страдает от клаустрофобии.

02.

Занятия по рукопашному бою проводил майор из спецназа Главного разведуправления Генштаба. Причем в самом спецназе он был не каким-нибудь боевиком-головорезом, а тоже инструктором по рукопашному бою. Очень интересный и колоритный персонаж. Чуть выше ста семидесяти сантиметров ростом, он будто бы целиком состоял из жил и сухожилий, обвивавших его тело, как пеньковые веревки. Иногда казалось, что в нем и мышц-то нет.

В Управлении, где служил Макаров, народ подобрался большей частью молодой и спортивный. Виктор и сам на физическую силу не жаловался и поначалу поглядывал на спецназера с высоты своих ста восьмиде-

сяти пяти с легкой иронией. До первого практического занятия.

В тот день, завершив знакомство с группой, майор, не мудрствуя, предложил следакам повязать его. Причем, впятером. В пятерку захвата попал и Макаров со своим напарником Сергеем Носовым. В том вообще было за сто девяносто. Следаки переглянулись немного смущенно — нападать впятером на невысокого и худощавого инструктора было как-то даже неудобно. Они двинулись вперед. И через пару секунд уже лежали на ковре, растирая ушибы, которые грозили в ближайшее время превратиться в сочные полноценные гематомы.

Тогда они рассердились. Но стало еще хуже. К злости вскоре примешались обида, унижение и недоумение. Майор проходил сквозь них, как волк проходит сквозь овечью отару. Он не дрался с ними, не расшвыривал, даже не бил. Он их резал. Только делал это голыми руками. Жестко, хладнокровно, методично, молниеносно и как-то буднично. А главное — не оставлял им ни единого шанса на сопротивление, как волк не оставляет шансов даже самому здоровенному барану. Движения майора были быстры, скупы и экономны. Никакой красоты, чистая дистиллированная функциональность. И еще было очень обидно оттого, что Виктор прекрасно видел — майор работает не то чтобы вполсилы, но он не делает и половины из того, что мог бы сделать. Он щадил пятерых здоровых тридцати-сорокалетних мужиков, потому что мог сделать из них сочащийся фарш в течение пары секунд.

Рухнув на ковер в седьмой или восьмой раз, Сергей Носов потерял руку, онемевшую от незаметного тычка в мышцу, и подниматься не стал.

— Научите? — просто спросил он, сидя на полу.

Майор покачал головой.

— Нет, парни, этому я вас не научу. И тому есть несколько причин. Первая — для этого нужно много времени. Наш факультатив во времени очень ограничен. Второе — это вам не нужно. Самые внимательные из вас могли заметить — то, что я делаю, предназначено для убийства людей. А ваша профессия не подразумевает убийства людей.

— А зачем тогда вы нам это показали? — не сдавался Носов.

— Чтобы вы лично, на своей шкуре убедились и поверили раз и навсегда — такие люди есть. И вы должны быть готовы с ними встретиться. Не в рукопашном бою, а морально.

— А почему не в рукопашном? — подал голос Виктор.

— Чтобы они вас не убили, — ухмыльнулся майор. — И это третья причина, почему я вас этому учить не буду. Потому что рукопашный бой, в принципе, нахрен никому не нужен, в особенности вам.

Собравшиеся в спортзале сотрудники Следственного комитета начали недоуменно переглядываться. Майор выдержал мхатовскую паузу и пояснил.

— Знаете, что означает, если боец спецназа вступил в рукопашную схватку с противником? — не дождавшись ответа, майор усмехнулся. — Это означает, что этот дебил отбилсЯ от своей группы, не смог выйти на заранее обусловленные точки сбора, просрал свой автомат, пистолет, гранаты, нож, лопатку. И ухитрился отыскать в тылу врага такого же дебила, чтобы с ним подраться.

Майор подождал, пока стихнет ржание двух десятков мужиков.